

ГЛАВА I

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Если бы десять лет назад кто-нибудь сказал мне, каким чудесным переменам предстоит произойти здесь, я не поверила бы, — сказала миссис Джо, обращаясь к миссис Мег, когда тихим летним днем обе они сидели на веранде Пламфильда, глядя вокруг с выражением гордости и радости.

— Это одно из тех чудес, какие способны совершать деньги и добрые сердца. Я уверена, что невозможно даже представить более благородного памятника мистеру Лоренсу, чем этот колледж, на который он с такой щедростью выделил деньги в завещании. И память о тете Марч, несомненно, всегда будет жива, пока в ее бывшем имении существует это учебное заведение, — отозвалась миссис Мег, которая всегда охотно хвалила людей за глаза.

— Помнишь, в детстве мы верили в фей и придумывали, о чем попросим их, если они предложат нам исполнить три наших желания? Разве не похоже на то, что мои три желания исполнились? У меня есть деньги, слава и любимая работа, — сказала миссис Джо, сцепив руки за головой по давней детской привычке и не обращая внимания на то, что отчаянно взъерошивает при этом волосы.

— Мои желания также осуществились, и Эми может сколько душе угодно наслаждаться всем, о чем мечтала. Если бы дорогая мама, Джон и Бесс были с нами, здесь ца-

рило бы совершеннейшее счастье, — добавила Мег с дрожью нежности в голосе, так как место мамы теперь пустовало.

Джо положила ладонь на руку сестры, и обе несколько минут сидели молча, глядя на прекрасный пейзаж и думая о грустном и о радостном.

Действительно, все выглядело так, будто здесь не обошлось без чуда: за прошедшие годы тихий Пламфильд превратился в чрезвычайно оживленный маленький мир. Приобрел еще более гостеприимный вид сам дом, заново выкрашенный, с пристроенными к нему флигелями, с заботливо ухоженными лужайкой и садом, с лежащей на всем печатью зажиточности, которой не было прежде, когда повсюду носились буйные мальчишки, а Баэры с трудом сводили концы с концами. На холме, где прежде пускали воздушных змеев, стояло теперь великолепное здание колледжа, выстроенное на средства, которые были завещаны с необыкновенной щедростью мистером Лоренсом. Повсюду, по дорожкам, протоптанным некогда детскими ножками, ходили энергичные студенты, и множество молодых мужчин и женщин с удовольствием пользовались всеми преимуществами, которые богатство, мудрость и благожелательность попечителей колледжа смогли им обеспечить.

Прямо у ворот Пламфильда уютно расположился среди деревьев хорошенький коричневый коттедж, очень похожий на прежнюю Голубятню, а на зеленом склоне к западу от него сверкал на солнце новый белоколонный особняк Лори. Когда стремительно растущий город окружил со всех сторон старый дом Марчей, разделался с тихим «гнездышком» Мег и осмелился поставить мыловаренный завод под самым носом негодующего мистера Лоренса, все наши друзья перебрались в Пламфильд, и начались великие перемены.

Были эти перемены исключительно приятными, а пережить горе, вызванное кончиной любимых ста-

риков, оказалось легче благодаря тем добрым дарам, что они оставили после себя. Так что теперь маленькое сообщество процветало, а мистер Бээр, ныне ректор, и мистер Марч, занявший пост священника колледжа, с радостью наблюдали, как замечательно воплощается в жизнь их давняя заветная мечта. Сестры распределили между собой заботы о молодежи: каждая из них выбрала для себя ту роль, что подходила ей лучше всего. Мег была добрым и заботливым другом молодых женщин, Джо — доверенным лицом и защитницей всех молодых людей, а Эми — настоящей «леди Щедрость»¹, которая деликатно устраняла все препятствия материального характера, возникавшие на пути бедных студентов, и так сердечно принимала их всех у себя, что они — и в этом нет ничего удивительного — называли ее прелестный дом Парнасом², так полон был он музыки, красоты и высокой культуры — всего того, к чему стремятся молодые сердца и юношеская фантазия.

Те двенадцать мальчиков, что воспитывались здесь, когда школа еще только была создана, разлетелись за прошедшие годы в разные края, но все, кто был жив, по-прежнему помнили старый Пламфильд и не раз возвращались из самых дальних уголков земли, чтобы рассказать обо всем, что пережили, посмеяться над прежними забавами и потом, освеженными и бодрыми, вернуться к своим новым трудам и обязанностям; ведь такие поездки домой и воспоминания о счастливых днях детства помогают сердцам сохранять нежность, а рукам оставаться заботливыми. В нескольких словах мы изложим историю каждого

¹ Л е д и Щ е д р о с т ь — действующее лицо пьесы «Военная хитрость шеголя» ирландского драматурга Джорджа Фаркуара (1678–1707).

² П а р н а с — в древнегреческой мифологии — гора, на которой обитают Аполлон, бог солнца, и музы, богини-покровительницы наук и искусств.

из мальчиков, а затем сможем продолжить рассказ новой главой их жизни.

Франц, которому уже исполнилось двадцать шесть, работал в Германии в фирме одного дальнего родственника, гамбургского торговца, и дела у него шли отлично. А Эмиль был, несомненно, самым веселым «матросиком» из всех, какие когда-либо «бороздили океан». Дядя отправил его в долгое плавание, надеясь, что это вызовет у юноши отвращение к полной опасностей жизни моряка, но тот вернулся домой в полном восторге, и стало ясно: это его призвание. Тот же гамбургский торговец предоставил молодому родственнику возможность начать службу на одном из своих кораблей, так что паренек был совершенно счастлив. Дэн по-прежнему оставался бродягой. Сначала он принял участие в геологических изысканиях в Южной Америке, потом попробовал разводить овец в Австралии, а теперь принимал участие в разработке новых рудников в Калифорнии. Нат учился в консерватории и готовился провести год или два в Германии, чтобы завершить там музыкальное образование. Том изучал медицину и отчаянно старался полюбить свою будущую профессию. Джек занимался коммерцией вместе с отцом, и его задачей было как можно скорее сделать состояние. Долли поступил в Гарвардский университет; он, Стаффи и Нед изучали юриспруденцию. Бедный Дик умер, и Билли тоже, но никто не мог скорбеть об этом, так как их жизнь никогда не стала бы счастливой при их тяжелых физических и умственных недостатках.

Теда и Роба называли «Лев и Ягненок», поскольку младший был так же необуздан, как царь зверей, а старший так же кроток, как самая кроткая овечка из всех, что когда-либо блеяли на этом свете. Миссис Джо называла Роба «моя доченька» и считала его самым обязательным и исполнительным из всех детей, находя в нем множество мужских достоинств, скрытых под мягкими манерами и деликатностью. Зато в Теде она, казалось, могла на-

блюдать в новой форме все недостатки, причуды, честолюбивые мечты и озорство собственной юности. Со своими вечно встрепанными рыжеватыми кудрями, длинными ногами и руками, громким голосом и неиссякаемой энергией, Тед был заметной фигурой в Пламфильде. Случались у него примерно раз в неделю периоды мрачной угрюмости, и тогда он увязал в Болоте Уныния, откуда его неизменно спасали терпеливый Роб или мать, которая хорошо знала, когда следует оставить его в покое, а когда расшевелить. Тед был ее гордостью и радостью, но так же и источником огорчений. Он всегда казался необыкновенно способным для своего возраста подростком и демонстрировал зачатки самых разных талантов, так что вопрос о том, кем же этот замечательный юноша станет, когда вырастет, очень занимал материнский ум.

Деми с отличием закончил колледж, и миссис Мег горячо желала видеть его священником, рисуя в фантазиях и первую проповедь, которую произнесет ее достойный молодой пастырь, и долгую, полезную жизнь, какую он будет вести, пользуясь всеобщим уважением. Но Джон, как она его теперь называла, решительно отказался от поступления в богословскую академию, заявив, что устал от книг и считает необходимым узнать побольше о людях и мире, и глубоко разочаровал любящую мать решением попробовать себя на журналистском поприще. Это стало для нее настоящим ударом; но она знала, что не следует пытаться навязывать свое мнение юным умам и что опыт — лучший учитель, а потому позволила сыну заняться тем, к чему лежит душа, хотя по-прежнему надеялась в конце концов увидеть его на церковной кафедре. Тетя Джо рвала и метала, когда узнала, что в семье появится репортер, и тут же наградила его прозвищем «Дженкинс»¹. Ей нравилось, что племянник проявляет литературные склонности, но,

¹ Д ж е н к и н с — имя нарицательное, обозначающее интервьюера, умело льстящего важным и знаменитым людям.

как мы увидим в дальнейшем, у нее были все основания питать отвращение к «любопытствующим по должности». Деми, однако, твердо знал, чего хочет, и невозмутимо превращал в жизнь свои планы, оставаясь равнодушным как к увещаниям озабоченных матери и теток, так и к насмешкам приятелей. Лори, которого теперь чаще называли «дядей Тедди», поощрял его и предрекал ему великолепную карьеру, вспоминая Диккенса и других знаменитостей, которые также начали с репортерской работы, а затем стали знаменитыми романистами или владельцами крупных газет.

У девочек тоже все было хорошо. Дейзи, такая же милая и хозяйственная, как прежде, оставалась другом и помощницей матери. Джози, в свои четырнадцать, была чрезвычайно оригинальной юной особой с большой любовью к шалостям и с немалым количеством разных причуд, последней из которых стала неодолимая страсть к театру, доставлявшая ее сдержанным матери и сестре столько же тревог, сколько и веселья. Бесс превратилась в высокую, красивую девушку с теми же привлекательными манерами и изысканным вкусом, которыми отличалась маленькая Принцесса, и с богатством талантов, унаследованных от отца и матери и развиваемых с помощью всего, что только могли обеспечить любовь и деньги. Но гордостью маленького сообщества стала Сумасбродка Нэн: подобно многим неугомонным, своевольным девочкам, она постепенно превращалась в полную энергии молодую женщину и подавала большие надежды, что всегда происходит, когда честолюбивая девушка находит самую подходящую для себя работу. Нэн начала изучать медицину в шестнадцать лет и теперь, когда ей уже исполнилось двадцать, без всяких сомнений и колебаний продолжала учебу, так как к этому времени, благодаря другим умным и образованным женщинам, доступ в колледжи и больницы был уже открыт для нее. Она не меняла цель жизни с тех детских дней, когда, сидя на старой иве вме-

сте с Дейзи, так поразила свою маленькую подругу словами: «Я не хочу возиться ни с какой семьей. У меня будет кабинет с кучей бутылочек, ящичков и всяких там разных пестиков, и я буду разъезжать везде на лошади или в экипаже и лечить больных людей». Будущее, предсказанное когда-то маленькой девочкой, теперь быстро приближала упорным трудом молодая женщина, и учеба доставляла ей такую радость, что никакие соблазны не могли заставить ее отказаться от избранной профессии. Несколько достойных молодых людей попытались убедить ее изменить намерения и, вслед за Дейзи, предпочесть «хорошенький маленький домик и семью, чтобы о ней заботиться». Но Нэн только смеялась в ответ и обращала влюбленных в бегство предложением показать ей, как специалисту, язык, что произносил слова любви, или брала профессиональным жестом предлагаемую ей мужскую руку, чтобы сосчитать пульс. И в результате все оставили попытки завоевать ее расположение — все, кроме одного упорного молодого человека, который оставался таким преданным Трэдлсом¹, что было невозможно охладить его пыл.

Этим молодым человеком был Том, который оказался настолько же привязан к возлюбленной детских лет, насколько она сама к своим «пестикам», и постоянно предоставлял ей трогательные доказательства верности. Он изучал медицину ради одной Нэн, не испытывая никакого внутреннего влечения к будущей профессии и проявляя явную склонность к коммерции. Но Нэн была непреклонна в своих стремлениях, и Том, чтобы оставаться поближе к ней, упорно продолжал учебу, всей душой надеясь, что не станет причиной смерти большого числа своих ближних, когда начнет врачебную практику. Впрочем, эти двое

¹ Томми Трэдлс — действующее лицо романа Ч. Диккенса (1812–1870) «Дэвид Копперфилд», молодой человек, долго и терпеливо ожидавший возможности жениться на своей возлюбленной.

оставались самыми добрыми друзьями, а перипетии ухода Том за его суровой возлюбленной доставляли много веселых минут их знакомым.

В тот самый день, когда миссис Мег и миссис Джо беседовали на веранде, Нэн и Том направлялись в Пламфильд. Впрочем, не вместе. Нэн бодро шагала в одиночестве по тенистой загородной дороге, думая об интересном случае какого-то заболевания, а Том несся сзади, рассчитывая нагнать ее, как будто случайно, когда предместья останутся позади, — его обычная уловка, которая составляла неотъемлемую часть всей игры.

Нэн была красивой девушкой, со свежим цветом лица, ясными глазами, живой улыбкой и горделивой осанкой, какая всегда бывает у молодых женщин, имеющих цель в жизни. Одетая она была просто и практично, шагала легко и казалась полной сил и бодрости, с широко развернутыми плечами, свободными взмахами рук в такт шагам, энергией юности и здоровья в каждом движении. Некоторые встречные даже оборачивались, чтобы посмотреть ей вслед: им было приятно видеть здоровую, счастливую девушку, шагающую за город в такой чудесный день. Эти их чувства явно разделял раскрасневшийся молодой человек, который, пыхтя, мчался за ней, со шляпой в руке, и каждый тугий завиток кудрявых волос на его голове вздрагивал от нетерпения.

Вскоре ветерок донес до Нэн негромкое «Привет!». Она приостановилась и попыталась — совершенно безуспешно — сделать вид, будто удивлена, а затем любезно отозвалась:

— Ах, это ты, Том!

— Похоже, что я. Подумал, что ты, возможно, пойдешь сегодня за город, — и веселое лицо Тома засияло от удовольствия.

— Ты отлично знал, что я пойду. Как твое горло? — спросила Нэн самым профессиональным тоном, который всегда помогал ей гасить неуместные мужские восторги.

— Горло? О! А! Да, помню. Все в порядке. Лекарство, которое ты прописала, подействовало самым чудесным образом. Я больше никогда не назову гомеопатию жульничеством.

— На этот раз ты сам жульничал, и такими же жульническими были таблетки, которые я тебе дала. В них не содержалось никакого лекарства. Если сахар и молоко могут излечивать дифтерию таким замечательным образом, я это, пожалуй, возьму на заметку. О Том, Том, неужели ты никогда не покончишь со своими вечными проделками?

— О Нэн, Нэн, неужели ты никогда не перестанешь обводить меня вокруг пальца?

И они весело засмеялись друг над другом, точно так же, как делали это в прежние времена, которые всегда живо вспоминались им, когда они шагали в Пламфильд.

— Я же знаю, что, скорее всего, не увижу тебя целую неделю, если только не выдумаю какой-нибудь предлог для визита в твою приемную. Ты все время так отчаянно занята, что мне никак с тобой не поговорить, — объяснил Том.

— Тебе тоже следовало бы заниматься делом и быть выше подобных глупостей. Право же, Том, если ты не станешь посвящать все свое внимание учебе, ты никогда ничего не добьешься, — заметила Нэн серьезно.

— Мне этой учебы и так вполне хватает, — отвечал Том, всем своим видом выражая отвращение. — Человек должен хоть немного развлечься, после того как целыми днями вскрывает трупы. Я не могу долго выдерживать это занятие без перерыва, хотя некоторым оно, похоже, доставляет огромное удовольствие.

— Тогда почему не бросить медицину и не заняться чем-нибудь более подходящим? Ты же знаешь, я всегда считала, что ты делаешь глупость, — сказала Нэн с чуть заметным выражением озабоченности в пронизательных глазах, пытаясь найти признаки болезни на лице, румянном, как красное яблочко.

— Ты знаешь, почему я выбрал эту профессию и почему я останусь верным ей, даже если она меня убьет окончательно. Хоть с виду, возможно, и не скажешь, что я слаб здоровьем, но у меня застарелое сердечное недомогание, и оно рано или поздно сведет меня в могилу. Только одна докторша во всем мире может меня вылечить, но не хочет.

Выражение задумчивого смирения на лице Тома было и забавным, и трогательным; он говорил с чувством и продолжал делать такого рода намеки без малейшего поощрения со стороны собеседницы.

Нэн нахмурилась, но она уже привыкла к подобным речам и знала, как лечить Тома.

— Эта докторша применяет лучшее и незаменимое лекарство, но еще не было на свете такого трудноизлечимого пациента. Ты был на том балу, как я велела?

— Был.

— И посвятил все свое внимание хорошенькой мисс Уэст?

— Танцевал с ней целый вечер.

— И никакого воздействия на твое любвеобильное сердце?

— Ни малейшего. Один раз я зевнул ей в лицо, потом забыл принести ей угощение и вздохнул с облегчением, когда сдал ее с рук на руки ее мамаше.

— Принимай дозу этого лекарства как можно чаще и наблюдай за симптомами. Я прогнозирую, что постепенно тебя начнет к этому тянуть.

— Никогда! Я уверен, что на мой организм это не подействует.

— Увидим. Выполняй предписания врача! — отвечала она сурово.

— Хорошо, доктор, — кротко кивнул он.

На минуту воцарилось молчание; затем, словно яблоко раздора было забыто под влиянием приятных воспоминаний,

наний, вызванных знакомыми видами, Нэн неожиданно сказала:

— Как весело мы, бывало, играли в том лесу! Помнишь, как ты свалился с большого орехового дерева и чуть не сломал себе ключицу?

— Еще бы не помнить... и как ты натирала меня без конца настойкой полыни, пока я весь не сделался красно-коричневым, а тетя Джо все причитала из-за моей испорченной курточки, — засмеялся Том, снова став на минуту мальчишкой.

— А как ты устроил в доме пожар?

— А как ты убежала на станцию за своей коробкой?

— Ты когда-нибудь говоришь теперь «Тыща черепках»?

— Кто-нибудь еще называет тебя «Сумасбродкой»?

— Да, Дейзи!.. Милая Дейзи, я не видела ее целую неделю.

— Я встретил Деми сегодня утром, и он сказал, что она сейчас ведет хозяйство в доме мамы Баэр.

— Она всегда помогает тете Джо, когда та погружается в «водоворот». Дейзи — образцовая домохозяйка, и я советую тебе добиваться ее расположения, раз уж ты не можешь взяться за учебу как следует и подождать, пока станешь взрослым, прежде чем начать ухаживать за девушками.

— Нат разбил бы свою скрипку о мою голову, если бы я только намекнул на что-нибудь в таком роде. Нет уж, спасибо. Другое имя начертано на моем сердце, и это имя невозможно стереть так же, как синий якорь на моем плече. «Надежда» — мой девиз, «Никогда не сдаваться» — твой; увидим, кто будет держаться более стойко.

— Вы, глупые мальчики, думаете, что мы должны разбиться на парочки, как в прежние дни, когда были детьми; но мы не собираемся заниматься этой чепухой... Как хорошо отсюда выглядит Парнас! — воскликнула Нэн, снова неожиданно меняя тему разговора.

— Дом великолепный; но я все же больше люблю старый Пламфильд. Вот удивилась бы тетя Марч, если бы увидела, как все здесь изменилось! — откликнулся Том, когда они оба задержались у больших ворот, чтобы полюбоваться пейзажем, который открылся их взгляду.

Неожиданный вопль заставил обоих вздрогнуть. Перед ними появился, перепрыгнув через живую изгородь, точно кенгуру, высокий мальчик со встрепанными рыжеватыми волосами. За ним последовала худенькая девочка, которая застряла в кустах боярышника и повисла там, смеясь, словно маленькая фея. Это была очаровательная девчушка с кудрявыми темными волосами, блестящими глазами и выразительным лицом. Ее шляпа упала с головы и висела на завязках у нее за спиной, а юбки заметно пострадали от ручьев, через которые она перебиралась вброд, деревьев, на которые влезала, и последнего прыжка, добавившего несколько огромных прорех.

— Нэн, пожалуйста, сними меня отсюда! А ты, Том, держи Теда! У него моя книга! Она мне нужна! — крикнула Джози с высоты живой изгороди, ничуть не смущенная неожиданным появлением ее друзей.

Том тут же схватил грабителя за воротник, а Нэн вытащила Джози из колючего куста и поставила на ноги, не произнеся при этом ни слова упрека. Она сама была в детстве сорванцом, а потому очень снисходительно относилась ко всем, кто отличался такими же склонностями.

— В чем дело, дорогая? — спросила она, закалывая булавкой самую длинную прореху на юбке Джози, пока та разглядывала царапины на своих руках.

— Я сидела на иве и учила роль, а Тед подкрался и выбил книжку у меня из рук палкой. Книжка упала в ручей, и, прежде чем я успела слезть, он схватил ее и бросился наутек. Негодник, сейчас же отдай книжку, или я надеру тебе уши! — крикнула Джози, одновременно смеясь и сердясь.

Вывернувшись из рук Тома, Тед встал в театральную позу и, бросая нежные взгляды на стоящую перед ним

мокрую и встрепанную молодую особу в рваном платье, прочел знаменитый монолог Клода Мелнота¹ в самом покаянном и неотразимо смешном тоне. Кончил он словами: «Тебе нравится эта картина, дорогая?» — и почти завязал узлом свои длинные ноги, скорчив при этом ужасную физиономию.

С веранды донеслись аплодисменты и положили конец этим проказам. Молодежь гурьбой направилась по аллее к дому, совсем как в давнее время, когда Том правил четверкой «лошадок», а Нэн была лучшим скакуном в его упряжке. Румяные, запыхавшиеся и веселые, они приветствовали женщин на веранде и сели на ступенях отдохнуть. Тетя Мег принялась зашивать прорехи на платье дочери, а миссис Джо пригласила гриву своего Льва и отобрала у него книжку. Через минуту появилась Дейзи, чтобы поздороваться с друзьями, и начался общий разговор.

— Сегодня олады к чаю, так что вам стоит остаться и поесть. У Дейзи олады всегда удаются на славу, — заметил Тед гостеприимно.

— Тед — знаток по этой части. В прошлый раз съел девять штук. Поэтому-то он такой толстый, — добавила Джо-зи, бросив лукавый взгляд на кузена, худого как щепка.

— Я должна навестить Люси Дов. У нее панариций, пора его вскрыть. Я выпью чаю в колледже, — отвечала Нэн, ощупывая карман, чтобы убедиться, что не забыла коробочку с инструментами.

— Спасибо за приглашение, но мне по пути с Нэн. У Тома Мерриуэдера блефарит², и я обещал ему почистить веки и ресницы. Он экономит, так как ему не придется платить доктору, а для меня это хорошая практика. Пальцы у меня

¹ К л о д М е л н о т — действующее лицо романа «Леди из Лиона» английского романиста и драматурга Эдварда Булвера-Литтона (1803–1873). Пьеса «Любовь и гордость», в основу которой положен сюжет этого романа, была необыкновенно популярна в США в XIX веке.

² Б л е ф а р и т — воспаление краев век.

такие неловкие, — сказал Том; он был намерен всегда, когда только можно, оставаться рядом со своим идеалом.

— Замолчите! Дейзи не любит слушать ваши беседы на костоправские темы. Об оладьях нам беседовать приятнее, — и Тед сладко улыбнулся Дейзи, рассчитывая завоевать ее расположение и всегда получать от нее все самое вкусное.

— Есть ли какие-нибудь новости от Коммодора? — поинтересовался Том.

— Он на пути домой. И Дэн тоже надеется, что скоро сможет приехать. Я очень хочу увидеть всех моих мальчиков вместе, так что упростила этих двух вечных путешественников приехать ко Дню благодарения, а если смогут, то и раньше, — отозвалась миссис Джо, сияя от удовольствия при мысли, что скоро ее желание осуществится.

— Они приедут, все до одного, если смогут. Даже Джек, я уверен, пойдет на риск потерять доллар-другой ради того, чтобы весело пообедать с нами, как в старое доброе время, — засмеялся Том.

— А вот индюк, откормленный для предстоящего пиршества. Я никогда теперь его не гоняю по двору, но кормлю на славу, так что он «пухнет» прямо на глазах. Да будут в сохранности его дорогие ножки! — сказал Тед, указывая на обреченную птицу, которая гордо расхаживала на лужайке неподалеку от веранды.

— Нату предстоит в конце месяца отъезд в Германию, так что мы обязательно должны устроить ему веселые прощания. Я думаю, наш Чирикалка вернется домой вторым Оле Буллем¹, — сказала Нэн подруге.

Очаровательный румянец окрасил щеки Дейзи, а быстрый вздох заставил подняться и опуститься складки муслина на ее груди, но ответила она спокойно:

¹ О ле Булль (1810–1880) — знаменитый норвежский скрипач, несколько раз с большим успехом гастролировавший в США.

— Дядя Лори говорит, что у него настоящий талант, и после учебы за границей он сможет вернуться и будет хорошо зарабатывать, хотя, возможно, никогда не станет знаменитостью.

— Пророчества в отношении молодых людей редко сбываются, так что не стоит возлагать на них большие надежды, — заметила миссис Мег со вздохом.

— Если наши дети станут просто хорошими и трудолюбивыми мужчинами и женщинами, мы можем быть довольны таким результатом; однако это так естественно — желать, чтобы они стали выдающимися людьми и преуспели в жизни.

— Ну да, они все как мои цыплята: никак не угадаешь, что из них выйдет. Вот, взгляните, этот красавец петушок — самый глупый из всех моих цыпляток, а тот, некрасивый и длинноногий, — король двора, на редкость сообразительный и кричит так громко, что мертвого разбудит. А красавец только хрипит да сипит, да к тому же ужасный трус. Ко мне тоже пока относятся с пренебрежением, но подождите, вот вырасту, тогда посмотрим, — и Тед был при этом так похож на своего длинноногого питомца, что его «скромное» пророчество вызвало общий смех.

— Я была бы рада, если бы Дэн наконец где-нибудь прочно обосновался. Как говорит пословица, кому на месте не сидится, тот добра не наживет, а он, в свои двадцать пять, все еще бродит по свету, и нет для него никакой узды, кроме одной, — тут миссис Мег кивнула на сестру.

— Дэн найдет в конце концов свое место в жизни, а опыт — лучший учитель. Манеры у него все еще грубоваты, но каждый раз, когда он приезжает домой, я вижу перемену к лучшему и никогда не теряю веры в него. Он, быть может, никогда не совершит великих дел и не разбогатеет, но если необузданный мальчик станет просто достойным уважения мужчиной, я буду довольна, — сказала миссис Джо, которая всегда защищала свою «черную овечку».

— Правильно, мама, стой за Дэна горой! Он стоит десятка Джеков и Недов, которые только и делают, что хвастаются своими деньгами и мечтают сделаться важными шишками. Вот увидите, Дэн еще совершит что-нибудь такое, чем можно гордиться, и утрет им всем нос, — добавил Тед. Его любовь к «Дэнни» стала еще крепче теперь, когда к ней примешивалось мальчишеское восхищение этим смелым, любящим приключения молодым мужчиной.

— Я не сомневаюсь, что так и будет. Он как раз из таких, что совершают самые необдуманные поступки и покрывают себя славой: взбираются на Матерхорн¹, ныряют в Ниагарский водопад или находят громадный золотой самородок. Это его способ «перебеситься», и, возможно, он лучше нашего, — заметил Том задумчиво; он сам, с тех пор как стал студентом-медиком, успел отдать дань «увлечениям молодости».

— Гораздо лучше! — заявила миссис Джо выразительно. — Я охотнее послала бы всех моих мальчиков повидать широкий мир, чем оставлять их, как это часто бывает, в больших городах, где полно искушений и соблазнов и где молодые люди лишь растрачивают попусту время, деньги и здоровье. Дэн вынужден зарабатывать себе на жизнь, и это учит его не бояться трудностей, не терять терпения и рассчитывать только на свои силы. Я волнуюсь за него меньше, чем за Джорджа и Долли, которые, хоть и учатся в университете, — сущие младенцы, совершенно неспособные позаботиться о самих себе.

— А что вы думаете о Джоне, который целыми днями рыщет по городу и потом дает в газеты материалы о самых разных событиях, начиная с проповедей и кончая поединками профессиональных боксеров? — уточнил Том. Ему пришло в голову, что, пожалуй, такой образ жизни пришелся бы ему гораздо больше по вкусу, чем посещение лекций и больничных палат.

¹ М а т т е р х о р н — альпийская вершина на границе Швейцарии и Италии.

— Деми втройне защищен: у него правильные жизненные принципы, утонченные вкусы и мудрая мать. Ему не грозит попасть в беду, а полученный за время работы опыт пригодится, когда он начнет писать. Я уверена, что со временем он этим займется, — начала миссис Джо пророческим тоном; она с нетерпением ожидала того времени, когда кто-нибудь из ее «гадких утят» превратится в лебедя.

— А вот и Дженкинс — легок на помине! — воскликнул Том. По аллее к веранде, размахивая газетой над головой, приближался румяный, темноглазый молодой человек.

— Спешите прочесть! «Ежевечерний Сплетник»! Последний выпуск! Ужасное убийство! Банковский клерк бежал от суда! Взрыв на пороховом заводе! Всеобщая забастовка учащихся латинских классов! — взревел Тед, бросаясь на встречу кузену грациозной рысцой молодого жирафа.

— Коммодор встал в гавани и, как только освободится, сразу отдаст якоря, чтобы примчаться к нам на всех парусах, — сообщил Деми «с прелестным нагромождением мореходных эпитафий»¹, взбежав по ступеням веранды и широко улыбаясь.

Все заговорили одновременно, а газету передавали из рук в руки, чтобы каждый мог своими глазами прочесть радостное известие о том, что судно «Бренда», прибывшее из Гамбурга, благополучно встало на якорь в американском порту.

— Завтра он придет к нам своей морской походкой вразвалочку и, как всегда, принесет коллекцию морских диковинок и множество интересных рассказов. Я видел его, веселого, пахнущего смолой, обветренного и загорелого. Он сказал, что плавание прошло отлично и что он

¹ Шутливый намек на миссис Малапроп (персонаж одной из комедий Шеридана, английского драматурга восемнадцатого века), постоянно путавшую сходные по звучанию слова (такие, как, например, «эпитафия» и «эпитет»). С именем миссис Малапроп связаны несколько эпизодов в «Маленьких женщинах» и «Хороших женах».

надеется стать вторым помощником: его товарищ, занимавший эту должность, сломал ногу и останется на берегу, — добавил Деми.

— Хотела бы я вправить эту ногу, — пробормотала Нэн про себя, сделав рукой характерный профессиональный жест.

— А как Франц? — спросила миссис Джо.

— Собрался жениться! Славная новость для вас! Первый из всего вашего выводка, тетечка, так что можете проститься с ним. Избранницу зовут Людмила Хельдегард Блюменталь, из хорошей семьи, богата, красива и, разумеется, добра как ангел. Старина Франц хочет получить согласие дяди, и тогда он женится и обзаведется хозяйством, чтобы жить дальше счастливым и честным бюргером. Долгих ему лет жизни!

— Рада это слышать. Я так хочу, чтобы каждый из моих мальчиков нашел себе хорошую жену и счастливо зажил с ней в славном маленьком домике. Так что, если все пройдет благополучно, я смогу впредь быть спокойна за Франца, — сказала миссис Джо, складывая руки с очень довольным видом, так как часто чувствовала себя озабоченной курицей с многочисленным выводком, состоящим из цыплят и утят.

— Я тоже рад за Франца, — вздохнул Том, бросив лукавый взгляд на Нэн. — Женитьба — это именно то, что нужно молодому человеку, чтобы не сбиться с пути, и долг хороших девушек — выходить замуж как можно скорее, правда, Деми?

— Если на всех них хватит хороших молодых людей. Женское население превосходит по численности мужское, как тебе известно, особенно у нас, в Новой Англии, чем, вероятно, и объясняется высокий уровень культуры общества, в котором мы живем, — отозвался Джон. Он, склонившись над креслом матери, рассказывал ей вполголоса обо всем, что произошло за день.

— И такое численное соотношение является весьма благоприятным обстоятельством, дорогие мои, поскольку

на то, чтобы произвести на свет, провести по жизни и проводить в другой мир каждого мужчину, требуется три или четыре женщины. Вы дорого обходитесь, мальчики, и хорошо, что матери, сестры, жены и дочери добросовестно и с любовью выполняют свой долг, а иначе вы исчезли бы с лица земли, — заявила миссис Джо торжественно, взяв на колени корзинку, полную рваных носков: добрый профессор по-прежнему был тяжел на ногу, а его сыновья очень походили на него в этом отношении.

— При таком положении дел для «избыточных» женщин найдется немало работы: кто-то же должен позаботиться об этих беспомощных мужчинах и их семьях. Я вижу это все яснее с каждым днем и рада тому, что моя профессия позволит мне стать полезной, счастливой и независимой старой девой.

Ударение сделанное Нэн на двух последних словах вызвало у Тома стон, а у остальных смех.

— Я горжусь тобой, Нэн, и уверена, что ты добьешься успеха. Всем нам в этом мире необходимы именно такие полезные женщины. Иногда у меня возникает смутное чувство, что я ошиблась в определении своего призвания и было бы лучше, если бы я осталась незамужней. Но мне казалось, что долг зовет в ином направлении, и я не жалею о сделанном выборе, — заметила миссис Джо, прижимая к груди большой и очень рваный синий носок.

— Я тоже. Ну что бы я делал без моей дражайшей мамочки? — добавил Тед, бросаясь к ней с крепкими сыновними объятиями, в результате чего оба ненадолго исчезли за развернутой газетой, в чтение которой он, к счастью, был погружен до этой минуты.

— Мой дорогой мальчик, если бы ты хоть иногда мыл руки, твои нежные ласки были бы менее губительны для моего воротничка. Но ничего, мое всклокоченное сокровище, лучше уж пятна от травы и земли, чем совсем никаких ласк, — и миссис Джо, как солнце после краткого затмения, появилась из-за газеты, выглядя при этом не-

обыкновенно посвежевшей, хотя ее волосы на затылке зацепились за пуговицы Теда, а воротничок сбился набок.

Тут Джози, которая прилежно учила новую роль на другом конце веранды, неожиданно издала сдавленный вопль и произнесла монолог Джульетты в склепе, да так выразительно, что мальчики заплодировали, Дейзи содрогнулась, а Нэн пробормотала:

— Слишком сильное умственное возбуждение для девочки ее возраста.

— Боюсь, тебе придется смириться, Мег. Эта девочка — прирожденная актриса. Мы не поднимались до таких высот артистизма даже в «Проклятии волшебницы», — заметила миссис Джо, бросая букет разноцветных носков к ногам раскрасневшейся и запыхавшейся племянницы, когда та грациозно опустилась на дверной коврик.

— Это что-то вроде наказания мне за мое страстное увлечение театром в юности. Теперь я знаю, что чувствовала наша бедная мама, когда я умоляла ее позволить мне стать актрисой. Я никогда добровольно не дам согласия, но все же, возможно, мне снова придется отказаться от моих желаний, надежд и планов.

В тоне матери был оттенок упрека. Это побудило Деми поднять сестру с коврика и, слегка встряхнув, сурово распорядиться, чтобы она «бросила эти глупости на людях».

— Оставь меня, королевский приспешник, или я отвечу тебе монологом Безумной Невесты¹ с моим лучшим «ха-ха»! — крикнула Джози сердито, глядя на него точно обиженный котенок. Когда брат поставил ее на ноги, она сделала великолепный реверанс и, мелодраматично объявив: «Экипаж миссис Уоффингтон подан!» — удалилась вниз по ступеням веранды, а затем за угол, с величественным видом волоча за собой алую шаль Дейзи.

— До чего же она забавна, правда? Я и дня не вынес бы тут от скуки, если бы не было этой девчушки, чтобы меня

¹ «Безумная невеста» — постановка по повести Маргарет Блант (1870).

развлечь. Если она когда-нибудь станет чопорной, я сбегу; так что, смотрите, не губите ее талант в зародыше, — сказал Тедди, хмуро поглядывая на Деми, который, сидя на ступенях, делал какие-то стенографические записи в блокноте.

— Вы с Джози — лихая пара скакунов, и нужна сильная рука, чтобы вами править, но мне это занятие, пожалуй, даже нравится. Джози следовало бы быть моим ребенком, а Робу — твоим, Мег. Тогда в твоём доме царил бы полный покой, а в моём все было бы вверх дном. Ну, а теперь, я думаю, мне следует пойти и рассказать новости Лори. Пойдем со мной, Мег. Небольшая прогулка пойдет нам обоим на пользу, — и, покрыв голову соломенной шляпой Теда, миссис Джо вышла вместе с сестрой, оставив Дейзи следить за оладьями, Теда мириться с Джози, а Тома и Нэн доставить немало неприятностей своим пациентам в следующие четверть часа.

ГЛАВА 2

ПАРНАС

Название особняку было дано чрезвычайно удачно, и все богини искусств, казалось, проводили тот день дома, так как, когда миссис Джо и миссис Мег поднялись по склону к белоколонному зданию, их встретили живые картины и звуки, самые подходящие для жилища муз. Проходя мимо открытого окна, они заглянули в библиотеку, где председательствовали Клио, Каллиопа и Урания. Мельпомена и Талия развлекались в холле, где несколько молодых людей танцевали и проводили репетицию новой пьесы. Эрато гуляла в саду со своим возлюбленным, а в большом зале сам Феб дирижировал слаженным хором¹.

¹ Клио, Каллиопа, Урания, Мельпомена, Талия и Эрато — музы, покровительницы наук и искусств (Клио — истории, Каллиопа — героической поэзии, Урания — астрономии, Мельпомена — трагедии, Талия — комедии, Эрато — любовной поэзии). Феб — другое имя Аполлона.

Аполлоном был наш старый друг Лори; Аполлоном далеко не юным, но по-прежнему красивым и добродушным. Время превратило своевольного мальчика в благородного зрелого мужчину. Забота и печаль, наряду с праздностью и счастьем, во многом помогли формированию его характера; а воплощение в жизнь пожеланий бабушки стало для него долгом, который он исполнял с особой преданностью. Некоторым людям полезно жить в довольстве; они цветут лучше всего под лучами солнца; другим требуется тень, и они, словно жесткие плоды, становятся мягче, когда их тронет мороз. Лори, несомненно, так же, как и Эми, принадлежал к первому типу людей, так что жизнь со дня свадьбы была для обоих чем-то вроде прекрасной поэмы — жизнь, не только гармоничная и счастливая, но и полная высоких стремлений, полезная и изобилующая проявлениями той прекрасной щедрости, которая может сделать так много, когда богатство и мудрость идут рука об руку с благотворительностью. Все в их доме отличалось скромной, не бросающейся в глаза красотой и комфортом, и здесь любящие искусство хозяин и хозяйка принимали представителей самых разных творческих профессий. Лори теперь вполне хватало музыки в жизни, и он был щедрым покровителем юных музыкантов. Эми имела своих протеже из числа честолюбивых молодых художников и скульпторов, а ее собственные занятия искусством стали ей еще приятнее с тех пор, как ее дочь выросла настолько, что смогла делить с матерью творческие труды и радости: Эми была из тех, кто доказывает своей жизнью, что женщины могут быть верными женами и матерями, не жертвуя при этом талантом, дарованным им для их собственного развития и для блага других.

Сестры отлично знали, где ее искать, и Джо сразу направилась в студию, где мать и дочь работали вместе. Бесс трудилась над бюстом маленького ребенка, а ее мать завершала отделку великолепного скульптурного портрета мужа. В том, что касалось внешности, время, казалось, оста-

новилося для Эми: счастье помогало ей сохранять красоту молодости, а богатство дало светский лоск, в котором она нуждалась. Стройная и величественная, она показывала пример того, как простота может стать элегантностью благодаря вкусу, с которым выбирается платье, и изяществу, с которым его носят. Как кто-то сказал: «Я никогда не знаю, что надето на миссис Лоренс, но у меня всегда такое впечатление, что она одета лучше всех дам, присутствующих в комнате».

Она явно обожала дочь, что неудивительно, поскольку красота, о которой она всегда мечтала, была — во всяком случае, на взгляд любящей матери — воплощена в этом ее младшем «я». Бесс унаследовала от матери величественную, как у Дианы¹, фигуру, голубые глаза, прекрасный цвет лица и золотистые кудри, собранные в такой же классический узел на затылке. А так же — ах! вечный источник радости для Эми! — у Бесс были красивые нос и рот, той же формы, что у отца, но по-женски изящные. Строгая простота длинного и закрытого полотняного фартука вполне устраивала ее, и она трудилась увлеченно, отрешившись от всего окружающего, как все истинные художники, и не замечая, как нежно следят за ней любящие глаза матери, пока в студию не вошла энергичная тетя Джо с возгласом:

— Мои дорогие девочки, скорее бросьте ваши «куличики» и послушайте, что я вам скажу!

Обе художницы отложили инструменты и сердечно приветствовали неугомонную родственницу, хотя «гений кипел» самым великолепным образом, и своим приходом она испортила чудесный час творчества. Беседа шла чрезвычайно оживленно, когда появился Лори, которого Мег прислала к ним из зала, где он проводил занятия хора. Сев на диван между сестрами, без всяких баррикад

¹ Диана — в древнеримской мифологии богиня охоты, сестра Аполлона.

с обеих сторон, он с интересом слушал новости о Франце и Эмиле.

— Эпидемия началась, и теперь она будет свирепствовать среди всего твоего выводка. Так что, Джо, готовься ко всевозможным романам и безрассудствам, которые ожидают их в следующие десять лет. Твои мальчишки выросли и нырнут очертя голову в море проделок, похуже всех тех, с какими тебе приходилось иметь дело до сих пор, — сказал Лори, с удовольствием глядя на появившееся на ее лице выражение восторга, смешанного с отчаянием.

— Я знаю это и надеюсь, что смогу провести их через буруны и благополучно высадить на берег, но это ужасная ответственность, поскольку они будут являться ко мне и уверять, будто в моих силах сделать так, чтобы все в их маленьких любовных историях шло как по маслу. Мне это, впрочем, даже нравится, а Мег до того сентиментальна, что просто в восторге от подобной перспективы, — отвечала Джо, чувствуя себя довольно спокойно в том, что касалось ее собственных мальчиков, слишком юных, чтобы стать в ближайшем будущем жертвами упомянутой эпидемии.

— Боюсь, она не будет в восторге, когда наш Нат начнет жужжать слишком близко к ее Маргаритке¹. Ты ведь понимаешь, что это означает? Я не только руковожу его музыкальным образованием, но и являюсь его доверенным лицом, так что хотел бы знать, какой совет дать ему, — добавил Лори серьезно.

— Тише! Ты забыл, что в комнате девочка, — шепнула Джо, кивая в сторону Бесс, которая опять углубилась в работу.

— Не тревожься, дорогая! Она сейчас в Афинах и не слышит ни слова из нашего разговора. Ей, впрочем, сле-

¹ В оригинале игра слов: имя Нат произносится так же, как английское слово *gnat* (комар), а имя Дейзи означает «Маргаритка» (уменьшительное от Маргарет).

довало бы кончить и пойти прогуляться. Моя дорогая, положи своего младенца спать, а сама пойд и побегай. Тетя Мег в гостиной. Выйди к ней и покажи наши новые картины, а потом мы присоединимся к вам, — добавил Лори громче, глядя на свою высокую дочь, как Пигмалион, вероятно, смотрел на Галатею¹; Бесс была для него прекраснейшей из всех статуй в его доме.

— Хорошо, папа, но, пожалуйста, скажи, хорошо ли у меня получается, — и Бесс послушно отложила инструменты, все еще не отрывая глаз от бюста младенца.

— Моя драгоценная дочь, приверженность правде вынуждает меня констатировать, что одна щека пухлее другой, а кудри на челе этого младенца слишком уж похожи на рога, чтобы отвечать всем эталонам изящества; в других же отношениях он может соперничать с поющими херувимами Рафаэля², и я горжусь твоим творением.

Лори говорил со смехом, поскольку первые опыты Бесс были до того похожи на ранние творения Эми, что никто не мог относиться к ним так серьезно, как ее восторженная мамочка.

— Ты не чувствуешь красоты ни в чем, кроме музыки, — ответила Бесс, покачав золотистой головкой, которая была единственным ярким пятном в большой студии, выходящей окнами на север.

— Я вижу красоту в тебе, дорогая. А если ты не искусство, то что же такое искусство? Я только хотел бы вложить в тебя чуть больше жизни, увести тебя от этой холодной глины и мрамора к солнечному свету, чтобы ты

¹ Г а л а т е я — девушка, которая, согласно древнегреческому мифу, первоначально была прекрасной статуей, созданной скульптором Пигмалионом; откликнувшись на мольбы скульптора, влюбившегося в свое творение, богиня любви Афродита оживила статую.

² Поющие херувимы изображены на переднем плане картины Рафаэля «Мадонна под балдахином», хранящейся в одном из музеев Флоренции.

танцевала и смеялась, как это делают другие. Мне нужна девочка из плоти и крови, а не прелестная статуя в сером фартуке, которая забывает обо всем на свете, кроме своей работы.

Он еще продолжал говорить, когда две пыльные руки обвились его шею, и Бесс сказала серьезно, чередуя слова с нежными прикосновениями губ:

— Я никогда не забываю о тебе, папа, но я так хочу создать что-нибудь прекрасное, чтобы в будущем ты мог гордиться мною. Мама часто говорит мне, чтобы я остановилась и отдохнула, но, оказавшись в этой студии, мы забываем, что есть мир за ее пределами. Мы так увлечены и счастливы... Ну вот, а теперь я пойду и буду бегать, и петь, и стану просто девочкой, чтобы доставить тебе удовольствие.

Отбросив фартук, Бесс исчезла из студии и словно унесла с собой весь свет дня.

— Я рада, что ты сказал ей о своем желании. Наша дорогая девочка слишком увлечена творческими мечтами, а ведь она еще такая юная. Это моя вина. Но я так глубоко сочувствую ее стремлениям, что забываю о благоразумии, — вздохнула Эми, заботливо покрывая бюст младенца мокрым полотенцем.

— Я думаю, что возможность жить в наших детях — одна из самых больших радостей на свете, но стараюсь не забывать те слова, которые однажды мама сказала Мег: отцы должны вносить свой вклад в воспитание как девочек, так и мальчиков. Поэтому я, когда только можно, оставляю Теда с его отцом, а Фриц присылает ко мне Роба, мягкие манеры которого так же благотворно действуют на меня, как проявления бурного темперамента Теда на его отца. Так что настоятельно советую тебе, Эми, позволить Бесс забросить на время ее «куличики» и заняться музыкой с Лори; тогда ее развитие не окажется односторонним, а он не будет ревновать.

— Правильно! Правильно! Даниил! Суший Даниил!¹ — воскликнул Лори, очень довольный. — Я так и знал, Джо, что ты замолвишь за меня словечко. Я немного ревную Бесс к Эми и хочу больше участвовать в воспитании моей девочки. Ну же, миледи, уступите ее мне на это лето, а в следующем году, когда мы поедем в Рим, я уступлю ее вам и высокому искусству. Разве это не будет «честная сделка»?

— Я согласна; но, стараясь заразить ее твоим увлечением природой с музыкой в придачу, не забудь, что, хотя нашей Бесс только пятнадцать, умом она старше большинства девочек ее возраста, и с ней нельзя обращаться как с ребенком. Она так дорога мне; у меня такое чувство, как будто я хотела бы навсегда сохранить ее такой же чистой и прекрасной, как любимый ею мрамор.

Эми говорила с сожалением, окидывая взглядом прелестную комнату, где провела так много счастливых часов со своей дорогой девочкой.

— «Все по очереди — никто не в обиде», как мы говорили в детстве, когда все хотели покататься на Яблоневой Эллен или поносить кожаные сапоги, — вмешалась Джо оживленно. — Так и вы должны поделить вашу девочку между собой, а потом увидите, кто из вас принес ей больше пользы.

— Так мы и поступим, — отвечали любящие родители со смехом, который вызвали воспоминания, навеянные словами Джо.

— С каким удовольствием прыгала я на ветках той старой яблони! Ни одна поездка на настоящей лошади никогда не дала мне столько радости и столько движения, — сказала Эми, глядя за окно, словно снова видела дорогой старый сад и играющих под деревьями маленьких девочек.

¹ Д а н и и л — пророк Ветхого Завета, славившийся мудрыми советами, которые он давал царям вавилонским, а также толкованием снов и знамений.

— А сколько веселья доставляли мне те замечательные сапоги! — засмеялась Джо. — У меня до сих пор хранится то, что от них осталось. Мальчики износили их до дыр, но я по-прежнему люблю эти сапоги и с удовольствием прошлась бы в них по сцене внушительным театральным шагом, если бы только они еще на это годились.

— Мои самые нежные воспоминания связаны с металлической грелкой и «колбасой». Сколько проказ мы затевали! И как давно это было! — сказал Лори, пристально взглядываясь в двух женщин, сидевших рядом с ним, словно ему было нелегко осознать, что это уже не маленькая Эми и мятежная Джо.

— Не пытайтесь, милорд, убедить нас в том, что мы стареем. Мы еще только расцвели и в окружении наших юных бутонов выглядим как прелестный букет, — отвечала миссис Эми, расправляя складки своего розового муслина с тем выражением утонченного удовлетворения, с которым в юности появлялась на людях в новом платье.

— Не говоря о наших шипах и увядших листьях, — добавила Джо со вздохом; ее жизнь никогда не была легкой, и даже теперь у нее было немало материальных забот и душевных тревог.

— Пойдем и выпьем чаю, старушка, и посмотрим, чем занята молодежь. Ты устала, и тебя нужно «подкрепить вином и освежить яблоками»¹, — сказал Лори, подавая руку каждой из сестер и уводя их к вечернему чаю, который лился на Парнасе так же обильно, как некогда нектар богов.

Они нашли Мег в летней гостиной — восхитительном просторном зале, который в этот час заливало мягким светом вечернее солнце и наполнял шелест деревьев, так как четыре большие застекленные двери, выходившие в сад, были распахнуты настежь. В одном конце просторного зала обычно проходили занятия хора, а в противо-

¹ См. Библия, Книга Песни песней Соломона, гл. 2, стих 5.

положном, в глубоком алькове, за лиловыми занавесями, было устроено нечто вроде маленькой домашней святыни. Там висели три портрета, стояли по углам два мраморных бюста, а кушетка и овальный столик с полной цветовой были единственными предметами мебели в этом уютном уголке. Бюсты — работы Эми — были скульптурными изображениями Джона Брука и Бесс; оба отличались замечательным портретным сходством, и оба были полны безмятежной красоты, всегда приводившей на память известное изречение о том, что «глина символизирует жизнь, алебастр — смерть, а мрамор — бессмертие». Справа, как пристало основателю дома, висел портрет мистера Лоренса, с его обычным гордым и вместе с тем благожелательным выражением, — портрет, совсем не потускневший от времени и такой же привлекательный, как в тот день, когда сам мистер Лоренс застал в своей библиотеке девочку Джо, с восхищением вглядывающуюся в полотно. Напротив висел доставшийся в наследство Эми портрет тети Марч во внушительном тюрбане, с наипышнейшими рукавами и в длинных перчатках на руках, благопристойно скрещенных на фоне ее темно-фиолетового шелкового платья. Время смягчило суровое выражение ее лица, и казалось, что пристальный взгляд красивого старого джентльмена, чей портрет висел напротив нее, вызывал легкую, чуть жеманную улыбку на устах, которые вот уже много лет не произнесли ни одного резкого слова.

А посередине, на почетном месте, всегда залитое теплым солнечным светом и всегда обрамленное гирляндой зелени, было милое лицо мамы, изображенное с любовью и мастерством великим художником, с которым она дружила в те годы, когда он еще жил в бедности и неизвестности. Красивое, совсем как живое, лицо это, казалось, улыбалось дочерям, говоря радостно: «Будьте счастливы, я по-прежнему с вами».

Три сестры стояли несколько мгновений неподвижно, глядя на любимый портрет глазами, полными нежно-

го благоговения и печали, никогда не оставлявшей их, ибо эта благородная мать значила для них так много, что никто никогда не мог занять ее место в их жизни. Прошло лишь два года с тех пор, как она ушла, чтобы жить и любить в новом мире, оставив по себе самые светлые воспоминания, которые были и вдохновением, и утешением для всего семейства. И теперь ее дочери, придвинувшись теснее друг к другу, вновь испытали это чувство, а Лори выразил его в словах, когда с волнением произнес:

— Самое лучшее, о чем я могу просить Бога для моей дочери, — это, чтобы она стала такой женщиной, как наша мама. Бог даст, она станет такой; я приложу к этому все силы, ведь лучшим, что есть во мне, я обязан этому дорогому ангелу.

В этот момент свежий, юный голос запел «*Ave Maria*»¹ в другом конце зала; это Бесс, послушно подчинившаяся желанию отца занять ее музыкой, неосознанно откликнулась эхом на молитву, которую он вознес за нее. Нежные звуки мелодии, которую так часто пела прежде «наша мама», вернули слушателей к окружающему миру после нескольких мимолетных мгновений, когда им удалось вновь прильнуть душой к дорогому и утраченному. Сестры сели вместе у открытых окон, с удовольствием слушая музыку, а Лори принес им чай, сделав эту маленькую услугу особенно приятной для них своей ласковой заботливостью.

В комнату вошел Нат вместе с Деми, вскоре за ними последовали Тед и Джози, профессор и его верный Роб; все горячо желали услышать побольше о «мальчишках». Стук посуды и разговоры становились все громче, и лучи заходящего солнца ярко освещали веселую компанию, отдыхающую в красивой комнате после разнообразных трудов долгого дня.

¹ *Ave Maria* — «Радуйся, Мария» (лат.); музыкальные произведения на слова этой молитвы писали многие композиторы, в числе которых Шуберт и Гуно.

Профессор Баэр был теперь сед, но по-прежнему крепок и весел, ведь у него была работа, которую он любил, и трудился он с таким воодушевлением, что весь колледж чувствовал на себе благотворное влияние его личности. Роб походил на него, насколько это было возможно для юноши, и его уже называли «молодым профессором» — так увлеченно занимался он науками и так старался во всем подражать своему всеми уважаемому отцу.

— Ну, душа моя, поздравляю, скоро к нам снова придут наши мальчики, оба сразу, так что можем радоваться всем сердцем, — сказал мистер Баэр, усаживаясь рядом с Джо и с широкой улыбкой пожимая ей руку.

— О, Фриц, я так рада за Эмиля, и, если ты одобришь выбор Франца, то и за него тоже. Ты ведь видел Людмилу? Это хорошая партия? — спросила миссис Джо, вручая ему собственную чашку чая и придвигаясь ближе, как будто приветствовала того единственного, кто стал ее прибежищем как в радости, так и в горе.

— Все идет хорошо. Я видел *Mädchen*¹, когда ездил устраивать Франца на работу в Германии. Тогда она была совсем ребенком, но очень мила и обаятельна. Ее отец, я думаю, доволен, и мальчик будет счастлив. Он слишком уж типичный немец, чтобы его устроила жизнь вдали от *Vaterland*², так что он станет для нас связующим звеном между новым и старым, и это меня весьма радует.

— А Эмиль? Ему предстоит стать вторым помощником в следующем плавании! Замечательно, правда? Я так довольна, что у обоих твоих мальчиков хорошо идут дела, ведь ради них и их матери ты отказался от очень многого. Ты не придаешь этому значения, дорогой, но я никогда не забываю о том, чем ты пожертвовал, — сказала Джо, вложив руку в его ладонь с таким чувством, словно снова была девушкой, а ее Фриц пришел, чтобы сделать ей предложение.

¹ Девочка, девушка (*нем.*).

² Родина, отчизна (*нем.*).

Он рассмеялся беззаботно, как всегда, и шепнул, нагнувшись к ней за ее веером:

— Если бы я не приехал в Америку ради бедных мальчиков, я никогда не нашел бы мою Джо. Те трудные годы представляются теперь чудеснейшим временем, и я славлю Господа за все то, что я, как мне казалось, потерял, ведь взамен я обрел счастье всей моей жизни.

— Миндальничают! Миндальничают! Смотрите, тут тайком предаются ужасному флирту! — закричал Тедди, заглядывая за веер в этот интересный момент, к большому смущению матери и удовольствию отца, так как профессор никогда не стыдился того, что по-прежнему находит свою жену прелестнейшей женщиной на свете. Роб немедленно вытолкнул брата в сад через одну из распахнутых застекленных дверей, но тут же увидел, как тот вскочил обратно в зал через другую, а миссис Джо сложила веер и держала его наготове, чтобы дать по рукам своему озорному мальчишке, когда тот опять подбежит к ней.

Тем временем Нат, заметив знак, который сделал ему чайной ложечкой мистер Баэр, приблизился и остановился перед ним с выражением почтительной, искренней привязанности, которую всегда испытывал к замечательному человеку, так много сделавшему для него.

— У меня готовы для тебя рекомендательные письма, сын мой. Они адресованы двум моим давним лейпцигским друзьям. Эти славные люди помогут тебе в новой жизни, которую ты начнешь в Европе. Я рад, что они будут рядом с тобой, Нат, так как в первое время на сердце у тебя будет тяжело из-за *Heimweh*¹, и тебе потребуются поддержка, — сказал профессор, вручая ему несколько писем.

— Спасибо, сэр. Да, я думаю, мне будет довольно одиноко, пока не начнутся занятия, но потом музыка и надежда добиться успеха помогут мне воспрянуть духом, — от-

¹ Тоска по родине, тоска по дому (нем.).

вечал Нат, который одновременно и хотел, и боялся покинуть старых друзей и обзавестись новыми.

На вид он уже был молодым мужчиной, но его голубые глаза смотрели, как всегда, простодушно, его рот по-прежнему выдавал некоторую слабость характера, несмотря на заботливо отращиваемые небольшие усики, а высокий лоб явно свидетельствовал о творческой, музыкальной натуре юноши. Скромный, ласковый, исполнительный, Нат был, на взгляд миссис Джо, приятным, хотя и не блестящим свидетельством успеха ее метода воспитания. Она любила его, доверяла ему и не сомневалась, что он покажет себя с самой лучшей стороны, но не ожидала от него никаких великих свершений, разве что стимулирующее воздействие европейского образования и самостоятельная жизнь в чужой стране помогут ему усовершенствоваться как музыканту и стать более волевым мужчиной, чем на то можно было надеяться до сих пор.

— Я пометила все твои вещи — вернее, это сделала Дейзи, — и, как только мы соберем твои ноты, можно начинать упаковывать чемоданы, — сказала миссис Джо, которая так привыкла отправлять своих мальчиков в самые разные части света, что даже собрать кого-нибудь из них на Северный полюс оказалось бы ей вполне по силам.

Нат покраснел при упоминании дорогого для него имени — или то был последний отблеск заката на его довольно бледных щеках? — и его сердце радостно забилося при мысли о милой девушке, вышивавшей «Н» и «Б» на его скромных носках и носовых платках. Нат обожал Дейзи, и мечтой его жизни было достичь успеха в качестве музыканта и добиться согласия этого ангела стать его женой. Надежда на осуществление заветной мечты поддерживала его больше, чем советы профессора, заботливость миссис Джо или щедрая помощь мистера Лори. Ради Дейзи он трудился и ждал, черпая мужество и терпение в мыслях о том счастливом будущем, когда Дейзи станет хозяйкой в его маленьком домике, а он своей скрипкой заработает

для нее состояние. Миссис Джо знала это; и хотя Нат казался ей не совсем таким мужчиной, какого она сама выбрала бы для племянницы, ей было ясно, что ему всегда будет нужна именно та разумная и нежная забота, которую может обеспечить ему Дейзи. А без этой заботы для него существует опасность стать просто одним из приятных и пустых людей, которые не добиваются успеха из-за отсутствия верного лощмана, способного благополучно провести их корабль по жизни. Миссис Мег смотрела на любовь бедного мальчика с явным неудовольствием и не желала даже слышать о том, чтобы отдать ее дорогую девочку кому-то, кроме самого лучшего мужчины, какого только можно найти на земле. Она была очень добра, но при этом так непреклонна, как только могут быть непреклонны столь нежные души; и Нат бежал от нее за утешением к миссис Джо, которая всегда горячо защищала интересы своих мальчиков. Теперь, когда эти мальчики становились взрослыми, для нее начинался период совсем новых забот, и она предвидела, что с любовными историями, которые уже зарождались среди ее выводка, не будет конца как тревогам, так и веселью. Миссис Мег, как правило, выступала ее лучшим союзником и советчиком: чужие романы интересовали ее и сейчас так же живо, как тогда, когда она сама была цветущей девушкой. Но в случае с Натом она ожесточилась сердцем и не желала слушать никаких уговоров. «Нату не хватает мужественности, и так будет всегда; никто ничего не знает о его семье; жизнь музыканта тяжела; Дейзи слишком молода; пройдет лет пять-шесть, и, вероятно, тогда станет ясно, сохранятся ли их чувства. Посмотрим, что изменится за время его отсутствия». И это было ее последнее слово. В раздражении эта мать-пеликан¹ могла проявить немалую твердость, хотя ради своих драгоцен-

¹ Пеликан в средневековых европейских аллегориях являлся символом самопожертвования (согласно легендам, он кормил своих птенцов собственной кровью, если для них не было другой пищи).

ных детей всегда была готова вырвать из груди последнее перо и отдать последнюю каплю крови.

Обо всем этом думала миссис Джо, глядя на Ната, пока тот беседовал с ее мужем о Лейпциге. Она решила постараться прийти к полному взаимопониманию с ним по этому вопросу, прежде чем он уедет, так как всегда говорила со своими мальчиками совершенно откровенно о тех испытаниях и искушениях, которые встречаются на пути всех молодых людей и так часто портят им жизнь из-за того, что некому сказать нужное слово в нужный момент.

Сказать это слово — первейший долг родителей, и никакая ложная деликатность не должна удерживать их от заботливой бдительности, от ласкового предупреждения, которое делает понимание собственных чувств и умение держать их под контролем главным компасом молодежи, когда та покидает безопасную гавань родного дома.

— Приближается Платон со своими учениками, — объявил непочтительный Тедди, когда в зал вошел мистер Марч в сопровождении нескольких молодых мужчин и женщин. Мудрый старик был любим всеми и так замечательно поддерживал свою юную паству, что многие из его учеников благодарили его потом всю жизнь за помощь, оказанную их сердцам и душам.

Бесс сразу подошла к нему: дедушка был на ее особом попечении со времени кончины «нашей мамы», и было приятно видеть ее золотистую головку, склонившуюся над его серебряными сединами, когда она придвигала ему кресло и угощала его чаем с нежной заботливостью.

— Чай, услаждающий все чувства, всегда льется здесь рекой, сэр. Вам пенящийся кубок или кусочек амброзии? — спросил Лори. Он бродил по залу с сахарницей в одной руке и тарелкой пирожных в другой: подсластить чью-нибудь чашу жизни и утолить чей-нибудь голод было для него самой любимой работой.

— Ни того, ни другого не нужно, спасибо; эта девочка позаботится обо мне, — и мистер Марч обернулся

к Бесс, которая присела на ручку его кресла, протягивая ему стакан парного молока.

— Желаю ей жить долго, чтобы заботиться о вас, а мне быть рядом, чтобы всегда видеть перед собой это прелестное опровержение песни, в которой поется, что «молодость и старость вместе не живут»! — отвечал Лори, глядя на них с улыбкой.

— Там поется о «ворчливой старости», папа; это совсем другое дело, — поправила Бесс с живостью; она любила поэзию и читала все самое лучшее.

— «Увидишь ли бутоны свежих роз в почтенных снега седицах, в мороз?»¹ — процитировал мистер Марч, когда к нему подошла Джози и присела на другой ручке его кресла с видом очень колючей маленькой розочки: она только что потерпела сокрушительное поражение в ожесточенном споре с Тедом.

— Дедушка, неужели женщины всегда должны слушаться мужчин и твердить им, что они самые умные, только потому, что они сильнее женщин? — воскликнула она, глядя свирепо на кузена, который подобрался к ней поближе с озорной улыбкой на мальчишеском лице, что всегда выглядело чрезвычайно комично при его высокой фигуре.

— Это, моя дорогая, устаревшие представления, хотя потребуется некоторое время, чтобы их изменить. Но я думаю, что час женщин пришел. Юноши должны стараться показать все, на что они способны, так как девушки уже догнали их и могут обогнать, — отвечал мистер Марч, глядя с отеческим удовлетворением на оживленные лица молодых женщин, числившихся среди лучших студентов колледжа.

¹ Цитата из поэмы «В похвалу Правилам Здоровья Леонарда Лессиуса», написанной английским поэтом-метафизиком Ричардом Крэшо (1612–1649). Леонард Лессиус (1554–1623) — известный бельгийский богослов.

— Бедные маленькие Аталанты¹ постоянно отвлекаются и задерживаются из-за препятствий, разбросанных на их пути, — не золотых яблок, нет... Но у них появится много шансов на победу, когда они научатся быстрее бегать, — засмеялся дядя Лори, поглаживая взъерошенную ветром головку Джози, волосы у которой стояли почти дыбом, как мех у рассерженного котенка.

— Целые бочки яблок не задержат меня, когда я начну гонку, и десяток Тедов не смогут заставить меня споткнуться, хоть и будут стараться подставить мне ножку. Я докажу ему, что женщина способна все делать так же хорошо, как мужчина, если не лучше. Это уже было доказано и будет доказано снова, и я никогда не признаю, что мой мозг хуже мужского, хотя он, может быть, и меньшего размера! — воскликнула возбужденная юная особа.

— Если ты будешь так неистово трясти головой, ты растрясешь все мозги, какие у тебя есть. Я на твоём месте постарался бы лучше заботиться о них, — поддразнил её Тед.

— Но что вызвало эту гражданскую войну? — спросил дедушка, слегка выделив интонацией прилагательное, что заставило сражающиеся стороны немного умерить пыл.

— Да просто мы корпели над «Илиадой» и дошли до того места, где Зевс говорит Гере, чтобы она не вмешивалась в его планы, а иначе он «наложит на неё свою необорную руку», и Джози возмутило то, что Гера послушно умолкла. А я сказал, что все правильно, и согласился со

¹ А т а л а н т а — героиня греческого мифа; охотница. Она отказывалась выйти замуж за тех своих поклонников, которые не могли победить её в беге. Меланион принял вызов и по совету богини любви Афродиты взял с собой три золотых яблока, которые богиня дала ему. Он бросал их на дороге, и Аталанта, не в силах противиться искушению, останавливалась, чтобы поднять их, благодаря чему Меланион выиграл гонки и стал мужем Аталанты.

стариком Гомером, что женщины знают не так уж много и потому должны подчиняться мужчинам, — объяснил Тед, чем очень рассмешил своих слушателей.

— Богини могут поступать как им угодно, но гречанки и троянки того времени были малодушными существами, если слушались таких мужчин, которые не умели самостоятельно побеждать в битвах и которых, когда им грозило поражение, срочно убирала со сцены Афина, Афродита или Гера. Подумать только! Две армии останавливаются, садятся и ждут, пока два их героических представителя швыряют камни друг в друга! Я не очень высокого мнения о вашем хваленном Гомере. Моим героем может быть только такой мужчина, как Наполеон или Грант¹.

Презрительное фырканье Джози было таким же забавным, как если бы колибри отчитывала страуса, и все заливались веселым смехом, слушая, как она пренебрежительно отзывается о поэте, чье имя бессмертно, и сурово критикует греческих богов.

— Хорошенькую жизнь устроил Наполеон своей Гере, не правда ли? Именно так девушки обычно и ведут споры: сначала выступают за одно, а затем за противоположное, — поддразнил Тед.

— Совсем как юная леди у Джонсона², которая «не была категорична, но колебалась каждую секунду», — добавил дядя Лори, получавший большое удовольствие от происходившей на его глазах битвы.

— Я говорила о них только как о воинах. Но если перейти к вопросу об отношении к женщинам, то разве генерал Грант не был хорошим мужем, а миссис Грант счастливой женой? Он не грозил «наложить на нее необорные руки», если она задавала какой-нибудь вполне естествен-

¹ Грант, Улисс (1822–1883) — восемнадцатый президент США, генерал армии северян во время гражданской войны между Севером и Югом США.

² Джонсон, Сэмюэл (1709–1784) — английский критик, лексикограф, журналист.

ный вопрос, а если Наполеон и поступал нехорошо по отношению к Жозефине, он все же знал, как надо сражаться, и ему не требовалась в битвах опека никакой Афины. Все эти древние были глупцами, от щеголя Париса до Ахиллеса, сидевшего при своих кораблях и дувшегося на союзников, и я не изменю моего мнения о них, несмотря на всех благородных Гекторов и Агамемнонов Греции, — заявила Джози, все еще не сдаваясь.

— Ты можешь героически сражаться, это очевидно; а мы будем изображать две послушные вождям армии, наблюдающие, как вы с Тедом в единоборстве решаете этот вопрос, — начал дядя Лори, принимая позу воина, опирающегося на копье.

— Боюсь, нам придется отказаться от этой затеи. Я вижу, что Афина собирается спуститься и похитить нашего Гектора, — заметил мистер Марч с улыбкой, так как Джо пришла напомнить сыну, что пора идти ужинать.

— Мы завершим эту битву, когда в нее не будут вмешиваться никакие богини, — сказал Тедди и поспешил вслед за матерью с необычной живостью, вспомнив о предстоящем угощении.

— Не устоял перед оладьей, клянусь Юпитером!¹ — крикнула Джози ему вслед, радуясь возможности хоть раз воспользоваться этим классическим выражением, запретным для ее пола.

Но Тед выпустил парфянскую стрелу², когда, отступая в полном боевом порядке, ответил с самым добродетельным выражением лица:

¹ Ю п и т е р — в древнеримской мифологии — верховный бог неба, громовержец.

² П а р ф я н с к а я с т р е л а — колкость или меткое замечание, приберегаемые к моменту ухода. Происхождение выражения связано с обычаем древней парфянской кавалерии выпускать в направлении противника множество стрел при настоящем или мнимом отступлении. Парфяне — жители древней страны, располагавшейся на территории современного Ирана.

— Повиновение командирам — первейший долг воина.

Джози бросилась за ним, желая использовать свою женскую привилегию и оставить за собой последнее слово, но так и не произнесла колкостей, вертевшихся у нее на языке, так как в зал, шагая через две ступеньки, поднялся из сада очень загорелый молодой человек в синем костюме, оживленно восклицая: «Эй, на судне! Где вся команда?»

— Эмиль! Эмиль! — закричала Джози, а в следующее мгновение к ним подлетел и Тед, так что недавние враги завершили стычку, объединившись, чтобы весело приветствовать дорогого гостя.

Олады были забыты, и, схватив кузена под руки, Джози и Тед потянули его, словно два хлопотливых маленьких буксира великолепное торговое судно, в гостиную. Там Эмиль перецеловал всех женщин и пожал руки всем мужчинам, кроме своего дяди — его он обнял по старому доброму немецкому обычаю, к великому удовольствию всех, кто наблюдал за этой сценой.

— Не надеялся, что мне удастся отбыть с корабля сегодня, но все же удалось, так что взял курс прямо на старый Пламфильд. Но там ни души, так что я отчалил, стал по ветру и пошел на Парнас, а тут вы все до одного. Да благословит вас Господь, до чего я рад всех вас видеть! — воскликнул молодой моряк с широкой улыбкой. Он стоял перед ними, широко раздвинув ноги, как будто все еще чувствовал под ногами качающуюся палубу.

— Тебе следовало сказать «семь футов вам всем под килем», а не «да благословит вас Господь», Эмиль; это совсем не морское выражение. О, как приятно ты пахнешь смолой и корабельными снастями! — сказала Джози, вдыхая с большим удовольствием свежий морской запах, который он принес с собой. Он был ее главным фаворитом среди всех кузенов, а она — его любимицей; и потому не могло быть сомнений, что уж для нее-то в оттопыренных карманах его синей куртки найдутся сокровища.

— Стоп, мой морской волк, и позволь мне бросить лот, прежде чем ты нырнешь, — засмеялся Эмиль, догадываясь, почему она так нежно поглаживает его карман. Затем, удерживая девочку одной рукой, другой он начал извлекать оттуда разные необычные коробочки и пакетики, на которых были написаны имена тех, кому они предназначались, и вручал их столпившимся вокруг него друзьям и родным с соответствующими замечаниями, вызывавшими немало смеха: Эмиль был известным остряком.

— Вот трос, который минут пять будет удерживать наш маленький буксир на месте, — сказал он, надевая красивое ожерелье из розовых кораллов на шею Джо-зи. — А вот это русалки прислали нашей Ундине¹, — и он вручил Бесс нитку перламутровых ракушек на серебряной цепочке. — Наша Дейзи, подумал я, наверняка захочет получить скрипку, а Нат сумеет найти ее, чтобы вручить подарок, — продолжил моряк со смехом, когда извлек из пакетика изящную филигранную брошь в форме скрипки.

— Я знаю, ей понравится. Я отнесу ей брошь прямо сейчас, — отвечал Нат, исчезая за дверью, обрадованный поручением и уверенный, что ему удастся найти Дейзи, хотя Эмиль и не застал ее в гостинной.

Эмиль лукаво рассмеялся и, шаркнув ногой, с поклоном вручил тете Джо необычного, вырезанного из камня, медведя с раскрытой пастью, представляющего собой вместительную чернильницу.

— Зная о вашей любви к этим милым животным, я привел одного из них к вашему перу.

— Отлично, Коммодор! Молодец! — сказала миссис Джо, очень довольная подарком, а профессор тут же предсказал, что из глубин этой чернильницы появятся «творе-

¹ У н д и н а — сказочное существо женского пола, живущее в воде; образ, созданный в литературных произведениях, отразивших народные поверья о русалках.

ния, достойные Шекспира»: так вдохновит писательницу любимый мишка.

— Тетя Мег любит, несмотря на свою молодость, носить чепцы, а потому я попросил Людмилу раздобыть мне кружев. Надеюсь, вам они понравятся, — и из папиросной бумаги появились тонкие, как паутинка, вещицы, одна из которых вскоре уже лежала, словно вуаль из легких снежинок, на красивых волосах миссис Мег.

— Я не мог найти ничего достаточно элегантного для тети Эми, ведь у нее и так всегда есть все, чего ей хочется. Поэтому я привез вот эту маленькую картинку. Она напоминает мне, как выглядела тетя, когда ее Бесс была малюткой, — и он вручил Эми овальный медальон из слоновой кости, на котором была изображена златокудрая Мадонна с розовым младенцем, лежащим у нее на коленях в складках ее голубой мантии.

— Какая прелесть! — воскликнули все; а тетя Эми, одолжив у Бесс голубую ленточку, которой были перевязаны волосы девушки, сразу же повесила медальон себе на шею, очарованная подарком; он привел ей на память счастливейший год ее жизни.

— А еще я льщу себя надеждой, что нашел самый подходящий подарок для Нэн; вещицу изящную, но не броскую, нечто вроде вывески, как видите, самой подходящей для доктора, — сказал Эмиль, гордо демонстрируя пару черных сережек из вулканического туфа в форме маленьких черепов.

— Отвратительно! — И Бесс, которая терпеть не могла некрасивых вещей, перевела взгляд на свои собственные хорошенькие ракушки.

— Нэн не носит серег, — заметила Джози.

— Ну, тогда она с удовольствием проколет ушки тебе. Для нее нет большего удовольствия, чем догнать ближнего и напасть на него с каким-нибудь острым орудием, вроде скальпеля, — отвечал Эмиль, ничуть не огорчившись. — У меня еще куча трофеев для вас, ребята, в моем рундуке,

но я знал: не будет мне покоя, пока не выгружу все, что привез для девочек. А теперь расскажите мне все новости.

И, усевшись на лучший мраморный столик Эми, веселый моряк принялся, покачивая ногами, беседовать со скоростью десять узлов в час, пока тетя Джо не увела всех наконец в столовую, где состоялось большое семейное чаепитие в честь Коммодора.

ГЛАВА 3

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОКАЗА ДЖО

На своем нескучном жизненном пути члены семейства Марч столкнулись с невероятным количеством самых разных неожиданностей, однако величайшим из всех сюрпризов стало превращение Гадкого Утенка не в лебедя, но в золотого гуся, чьи литературные яйца нашли такой удивительно легкий сбыт, что за десять лет в жизнь воплотились самые смелые и сокровенные мечты Джо. Как или почему это случилось, она так никогда до конца и не поняла, но неожиданно обнаружила, что стала до некоторой степени знаменитостью и вдобавок с кругленькой суммой в кармане, позволяющей устранить существующие материальные затруднения и обеспечить будущее ее мальчиков.

А началось все в тот ужасный год, когда дела в Пламфильде шли совсем скверно: времена были тяжелые, число учеников в школе сократилось, сама Джо переутомилась и долго болела. Лори и Эми находились за границей, а гордость не позволяла Баэрам просить о помощи даже тех, кто был так близок и дорог им, как эта щедрая супружеская пара. Джо не выходила из комнаты по болезни и предавалась отчаянию из-за плачевного состояния дел, пока не взялась по старой памяти за давно заброшенное перо — единственное, что она могла сделать, чтобы помочь залатать дыры в семейном бюджете. Какому-то издателю по-

требовалась книга для девочек, и Джо наспех сочинила маленькую историю, описав несколько сцен и приключений из своей жизни и жизни сестер — хотя мальчики всегда были ей как-то ближе, — и с очень слабой надеждой на успех отправила свое произведение поискать счастья в широком мире.

Но у Джо все всегда выходило не так, как она предполагала. Ее первая книга, над которой она трудилась несколько лет и которую отправила в большое плавание, исполненная великих надежд и честолюбивых мечтаний юности, пошла ко дну в самом начале путешествия, хотя обломки кораблекрушения продолжали еще долго носиться по волнам, принося кое-какую прибыль — во всяком случае, издателю. Зато второпях написанная история, отправленная в путешествие автором, не думавшим ни о чем, кроме нескольких долларов, которые она могла принести, поплыла с попутным ветром и мудрым лоцманом у руля прямо к общественному признанию и вернулась домой, вопреки всем ожиданиям, тяжело нагруженная золотом и славой.

Ни одна женщина на свете, наверное, не испытала большего изумления, чем то, которое испытала Джозефина Баэр, когда ее маленькое суденышко возвратилось в порт приписки с развевающимися флагами, а его прежде молчаливая пушка оглашала теперь воздух веселой канонадой, и, что было лучше всего, много добрых лиц улыбалось ей и радовалось вместе с ней, много дружеских рук пожимали ее руку с самыми сердечными поздравлениями. После этого все пошло как по маслу: ей просто приходилось нагружать свои суда и отправлять их, одно за другим, в успешные рейсы, из которых они доставляли домой в изобилии все необходимое для удобства тех, кого она любила и для кого трудилась.

С неожиданно приобретенной известностью она так никогда до конца и не примирилась, поскольку теперь требовалось слишком мало огня, чтобы произвести мно-

го дыма, а газетная шумиха не настоящая слава. Что же до богатства, то оно не вызывало в ее душе никаких сомнений и принималось с благодарностью, хотя было отнюдь не таким громадным, как о том сообщала отличающаяся широтой натуры общественность. Прилив, сменивший прежний отлив, продолжался и благополучно доставил семейный корабль в уютную гавань, где старшие получили возможность в безопасности отдохнуть от бурь и откуда молодежь могла пуститься на собственных суденышках в большое плавание по волнам жизни.

Счастье, покой и изобилие появились в доме в последующие годы к радости всех, терпеливо ожидавших, с надеждой трудившихся и преданно веривших в мудрость и справедливость Того, кто посылает разочарование, бедность и горе, чтобы испытать любовь человеческих сердец и сделать успех, когда он наконец придет, слаще и дороже. Окружающий мир видел это благополучие, и добрые души радовались улучшению материального положения семьи, но о той удаче, которую Джо ценила больше всего, о том счастье, которое ничто не могло отнять у нее, было хорошо известно лишь немногим.

Это счастье заключалось в возможности сделать последние годы жизни матери радостными и безмятежными, увидеть, как груз забот навсегда сброшен, усталые руки отдыхают, милое лицо не омрачено тревогой, а нежному сердцу ничто не мешает проявлять свои чувства, занимаясь разумной благотворительностью, приносящей глубокое удовлетворение. Когда Джо была девочкой, она больше всего хотела, чтобы в доме появился уголок, где мама могла бы спокойно сидеть и отдыхать после долгих лет трудной, невероятно напряженной жизни. Теперь эта мечта стала счастливой явью, и мама сидела в уютной комнате, где ей были обеспечены все возможные удобства и удовольствия, где любящие дочери ухаживали за ней, когда возраст стал давать себя знать, где рядом с ней находился добрый супруг, на которого она могла опе-

реться, где внуки приносили свет радости в предзакатные сумерки ее жизни своей почтительной привязанностью. Это было счастливое время для всех, и «наша мама» радовалась, как могут радоваться только матери, счастьем своих детей. Она дожила до дней, когда смогла пожинать плоды своих трудов, когда ее молитвы были услышаны, воздаяние за добрые дары получено, надежды осуществились, покой и благополучие пришли в созданную ею семью; и тогда, как один из мужественных, терпеливых ангелов, честно исполнивших свою работу, она обратила лицо к небесам, радуясь, что может отдохнуть.

Это была приятная и серьезная сторона произошедших перемен, но имелась у них, как у всего в нашем странном мире, и другая сторона — забавная и довольно тернистая. Пережив первое чувство удивления, недоверия и радости, Джо, с обычной неблагодарностью, присущей человеческой натуре, быстро устала от популярности и принялась негодовать по поводу утраты прежней свободы, поскольку восхищенная публика неожиданно предъявила свои права и на нее саму, и на все, что касалось ее прошлого, настоящего и будущего. Совершенно незнакомые люди настаивали на том, чтобы увидеть ее, спросить о чем-либо, дать совет, предостеречь, поздравить, и сводили ее с ума своими доброжелательными, но чрезвычайно утомительными знаками внимания. Если она не желала раскрыть перед ними свое сердце, они упрекали ее; если она отказывалась обеспечивать материально их любимые благотворительные организации, помогать отдельным нуждающимся и выражать сочувствие по поводу каждого горя или злочлочения, известного человечеству, ее называли бессердечной, эгоистичной и высокомерной; если она находила невозможным отвечать на горы писем, поступавших к ней, считалось, что она пренебрегает своим долгом по отношению к преданным читателям; а если она предпочитала уединение собственного дома тому пьедесталу, на котором ее при-

глашали позировать, это вызывало многословную критику «высокомерных манер литераторов».

Она делала все что могла для детей, так как ради них она создавала свои произведения, и потому прилагала все усилия, чтобы удовлетворить требование, вечно звучавшее из уст жадной юности: «Еще рассказов, еще, прямо сейчас!» Родные неодобрительно относились к тому, что она проявляет чрезмерное рвение, забывая о них, да и ее здоровье страдало от такой напряженной работы, но какое-то время она с благодарностью приносила жизнь на алтарь литературы для юношества, чувствуя, что многим обязана своим маленьким друзьям, чье расположение завоевала после двадцати лет упорной работы.

Но настало время, когда ее терпению пришел конец. Устав быть «львицей», она стала «медведем» — по характеру, как и по фамилии — и, возвратившись в свою берлогу, грозно рычала, когда ее оттуда вызывали. Родных все это забавляло, и они мало сочувствовали Джо в ее неприятностях, но она в конце концов стала рассматривать последствия своей известности как самую ужасную из всех переделок, в какие только попадала в жизни, поскольку ей казалось, что она быстро лишается свободы, которую всегда считала своим главным сокровищем. Жизнь на виду у публики быстро теряет свое очарование; к тому же Джо была уже далеко не молода, слишком утомлена и слишком обременена заботами, чтобы ей могло понравиться подобное существование. Она чувствовала, что уже выполнила все требования, какие только могут считаться разумными, когда автографы, фотографии и автобиографические очерки были разосланы по всей стране; когда художники изобразили ее дом со всех сторон, а репортеры ее саму в исключительно мрачном виде, который всегда был у нее во время неприятных для нее встреч с ними; когда одна за другой группы полных энтузиазма учеников разных частных пансионатов совершили набеги на ее дом и его окрестности в поисках

сувениров, а любезные посетители, с почтением поднимавшиеся по ведущим к двери ступеням, почти окончательно истерли их; когда новые слуги увольнялись после недельного испытания дверным колокольчиком, звонившим с утра до вечера; когда муж был вынужден охранять ее за едой, а сыновья порой прикрывать ее отступление через выходящие на задний двор окна, чтобы дать ей возможность ускользнуть от предприимчивых гостей, врывавшихся в дом без предупреждения в самые неподходящие моменты.

Вот описание одного дня, которое, возможно, позволит лучше объяснить положение дел, обеспечит в определенной степени оправдание несчастной женщине и даст выразительный намек охотникам за автографами, которые ныне свирепствуют по всей стране: ведь все, что будет рассказано, целиком взято из жизни.

— Следовало бы принять закон, защищающий несчастных авторов от публики, — сказала миссис Джо однажды утром, вскоре после приезда Эмиля, когда почта принесла ей необычно много самых разных писем. — Для меня это более насущный вопрос, чем международное авторское право, ведь время — деньги, а покой — здоровье, и я лишаясь того и другого, не получая взамен ничего, кроме потери уважения к человечеству и отчаянного желания убежать в пустыню, поскольку не могу спрятаться за закрытыми дверями даже в свободной Америке.

— Охотники за знаменитостями внушают ужас, когда они ищут добычу. Если бы они могли на время поменяться местами со своими жертвами, это принесло бы им огромную пользу. Они поняли бы, до чего надоедают, когда «имеют честь нанести визит, чтобы выразить глубокое восхищение нашими замечательными произведениями», — процитировал Тед одного из посетителей с поклоном в сторону своей родительницы, мрачно взиравшей в ту минуту на лежащие перед ней двенадцать просьб об автографе.

— Я окончательно решила одно, — сказала миссис Джо с большой твердостью. — Я больше не отвечаю на такого рода письма. Я послала уже не меньше шести автографов этому мальчику. Он их, наверное, продает. А эта девочка пишет из учительской семинарии, и если я пошлю ей автограф, то все остальные ученицы тут же напишут и попросят еще. Все они начинают с извинений и пишут, что понимают, как отвлекают и раздражают меня подобными просьбами, но они взяли на себя смелость написать, так как я люблю мальчиков или так как они любят мои книги, или так как это только один раз. Эмерсон и Уиттьер¹ бросали такие письма в мусорную корзину, и, хотя я всего лишь литературная няня, обеспечивающая легкоусвояемое моральное пюре для молодежи, я последую примеру знаменитостей. Ведь у меня не будет времени на еду и сон, если я попытаюсь удовлетворить просьбы всех этих милых неразумных детей, — и миссис Джо отбросила пачку писем со вздохом облегчения.

— Я распечатаю остальные и дам тебе спокойно позавтракать, *liebe Mutter*², — сказал Роб, часто бравший на себя обязанности ее секретаря. — Вот одно с юга, — и, сложив внушительную печать, он прочел:

«Мадам, поскольку Небесам было угодно вознаградить Вас за Ваши литературные труды большим состоянием, я без колебаний обращаюсь к Вам с просьбой предоставить средства на покупку нового потира для нашей церкви. К какой бы из христианских церквей Вы ни принадлежали, Вы, разумеется, проявите щедрость, откликнувшись на такую просьбу.

*С уважением,
миссис Э. Ю. Янгер».*

¹ Эмерсон, Ральф Уолдо (1803–1882) — американский эссеист, поэт и глава движения трансценденталистов в первой половине XIX века. Уиттьер, Джон Гринлиф (1807–1892) — американский поэт, борец за отмену рабства в Америке.

² Дорогая мама (нем.).

— Пошли ей вежливый отказ, дорогой. Все, что я отдаю, должно идти на то, чтобы накормить и одеть бедных у моего порога. Это моя благодарственная жертва Господу за успех. Продолжай, — отвечала Джо, окидывая благодарным взглядом свой счастливый дом.

— Молодой литератор восемнадцати лет предлагает тебе поставить твое имя на обложке написанного им романа, а после первого издания твое имя будет заменено на его. Ну и дерзость! Я полагаю, ты не согласишься, несмотря на твою мягкосердечность по отношению к большинству молодых писак.

— Я не могу выполнить его просьбу. Скажи ему это как-нибудь помягче и не позволяй прислать рукопись. У меня уже семь штук на руках, и не хватает времени даже на то, чтобы прочитать свою собственную, — сказала миссис Джо, задумчиво извлекая из полоскательной чашки упавшее туда маленькое письмо и открывая его с осторожностью: криво выведенный на конверте адрес свидетельствовал, что письмо написал ребенок. — На это письмо я отвечаю сама. Маленькая больная девочка просит книжку, и она ее получит, но я не могу написать продолжение ко всем остальным, чтобы обрадовать ее. Не знать мне отдыха, если я буду пытаться удовлетворить этих «ненасытных Оливеров Твистов»¹, требующих все новых рассказов. Что там еще, Робин?

— Вот одно — короткое и любезное.

«Дорогая миссис Баэр, я хочу высказать Вам мое мнение о Ваших сочинениях. Я прочел все Ваши книги много раз и считаю их превосходными. Пожалуйста, продолжайте писать.

Ваш почитатель,

Билли Бабкок».

¹ Оливер Твист — главный герой романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста». Его назвали «ненасытным», так как он, находясь в работном доме, где детей почти не кормили, осмелился попросить вторую порцию каши.

— Вот такие послания мне нравятся! Билли — здоровымыслящий человек и прекрасный критик, каких стоит иметь; ведь он прочитал мои книги много раз, прежде чем выразить свое мнение. Он не просит ответа, так что пошли ему привет и вырази мою благодарность.

— Вот письмо от какой-то английской леди, у которой семь дочерей, и она хочет побольше узнать о твоих взглядах на образование. А также получить от тебя совет, чем они должны заняться, когда вырастут. Старшей из них двенадцать. Неудивительно, что мать уже сейчас так обеспокоена выбором профессии для них, — засмеялся Роб.

— Я попытаюсь ответить ей. Но у меня нет дочерей, и по этой причине мое мнение не слишком ценно. Скорее всего, оно ее неприятно удивит, поскольку я посоветую ей позволить им бегать, резвиться и расти физически крепкими и здоровыми, прежде чем она заговорит с ними об их будущих профессиях. Их склонности скоро проявятся, если только девочек оставить в покое и не пытаться лепить всех по одному образцу.

— А вот письмо от молодого человека, желающего узнать, какой должна быть девушка, на которой ему следует жениться, и нет ли среди твоих знакомых такой, как те, что описаны в твоих книгах.

— Отправь ему адрес Нэн, и посмотрим, какой ответ он получит, — предложил Тед, втайне решив сделать это сам, если только удастся.

— А это послание от молодой леди, которая хочет, чтобы ты взяла на воспитание ее маленькую дочку, а ей самой одолжила денег, чтобы она могла в течение нескольких лет учиться живописи за границей. Возьми, пожалуй, этого ребенка, мама, и попробуй свои силы в воспитании девочек.

— Нет, спасибо, я намерена сохранить свою специализацию. Что это за письмо, все измаранное чернилами? В нем, должно быть, что-то ужасное, судя по кляксам, — спросила миссис Джо, которая пыталась скрасить время, посвященное разбору огромного числа приходящих писем,

попытками угадать содержание письма по его внешнему виду. В конверте оказалось стихотворение от какого-то безумного — если судить по бессвязности его мыслей — поклонника.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДЖ. Б.

Был бы я цветком душистым —
Стал бы подражать поэту.
Ароматом я с тобою
Говорил бы по секрету.

Солнцем утра позлащенный,
Словно стройный вяз, твой стан,
А ланиты — в роз цветенье
Глубочайший океан.

Слова твои мудры и яркие,
В наследство их тебе даю.
Пусть дух твой воспарит над миром
И расцветет навек в раю.

Нарушил льстивый мой язык
Молчанье, что хранить привык,
Где леса тишь и улиц шум.
Пусть перлами тебя пленит мой ум.

Вот лилии, что не прядут,
Не трудятся — чудесная картина¹.
Брильянт и Соломонова печать²,
Герань Творенья — Баэр Джозефина.

Джеймс

Пока мальчики с хохотом читали вслух этот несвязный поток восторженных слов (подлинное послание, однажды полученное автором), их мать прочла несколько писем

¹ Намек на гл. 6 (стихи 28–29) Евангелия от Матфея.

² Соломонова печать — мистический символ в виде пятиугольной или шестиугольной звезды, а также название растения из семейства лилий.

от недавно созданных журналов, с величайшей щедростью предлагавших ей редактировать их бесплатно; и одно длинное письмо от юной девушки, которая была безутешна, так как ее любимый герой умер («не согласится ли дорогая миссис Баэр переписать книгу и сделать конец хорошим?»); и другое, от негодующего мальчика, которому было отказано в автографе и который мрачно предсказывал ей финансовый крах и потерю популярности, если она не вышлет ему и всем его товарищам автографы, фотографии и автобиографические очерки; и еще одно от священника, желавшего знать, к какой христианской церкви она принадлежит; и еще одно от нерешительной девушки, спрашивавшей, за кого из двух влюбленных в нее молодых людей ей следует выйти замуж. Этих примеров достаточно, чтобы показать, кто и с какой целью предьявлял свои права на время и без того чрезвычайно занятой женщины, и чтобы заставить моих читателей простить миссис Джо за то, что она не отвечала аккуратно всем подряд.

— С письмами покончено. Теперь я вытру пыль, а потом займусь моей повестью. Я совсем отстала от графика, а новый номер журнала с очередной главой должен выйти в срок, несмотря ни на что; так что, Мэри, не впускай ко мне никого. Я не приму саму королеву Викторию¹, если она пожалует сегодня ко мне в гости. — И миссис Баэр откинула свою салфетку, словно бросая вызов всему человечеству.

— Надеюсь, что день окажется удачным для тебя, дорогая, — отозвался муж, который все это время занимался чтением собственной объемистой корреспонденции. — Я пообедаю в колледже с профессором Плоком. Он приезжает к нам сегодня. *Junglings*² могут перекусить на Парнасе; так что у тебя будет спокойный день. — И, раз-

¹ Королева Виктория (1819–1901) правила Великобританией с 1837 по 1901 г.

² Мальчики, юноши (нем.).

гладив морщинки забот на ее лбу прощальным поцелуем, этот достойный человек удалился, с карманами, набитыми брошюрами, держа старый зонтик в одной руке и мешочек камней для предстоящей лекции по геологии в другой.

— Если бы мужа всех литературных дам были такими заботливыми ангелами, эти дамы и жили бы дольше, и писали бы больше. Хотя, возможно, это не стало бы благом для человечества, ведь большинство из нас и так пишут слишком много, — сказала миссис Джо, помахав на прощание метелкой для сметания пыли супругу, который, удаляясь от дома по аллее, салютовал ей в ответ зонтиком.

Роб тоже отправился в колледж на занятия и был при этом так похож на отца, с брошюрами в карманах и мешочком в руках, широкоплечий и степенный, что мать, отвернувшись от окна, засмеялась и сказала с чувством:

— Благослови, Господи, моих двух дорогих профессоров, ибо не было еще на свете людей лучше, чем они!

Эмиль уже уехал на свое судно в порт, но Тед задержался, чтобы похитить адрес, который был ему нужен, а заодно опустошить сахарницу и поболтать с «мамусей»: эти двое очень любили совместные шутки и проказы. Миссис Джо всегда сама наводила порядок в своей гостиной, заполняла вазы цветами и добавляла тут и там маленькие штрихи к убранству комнаты, отчего та весь день казалась прибранной и полной свежести. Подойдя к окну с намерением задернуть шторы, она увидела художника, делавшего эскиз на лужайке, и застонала, поспешно отступив к заднему окну, чтобы оттуда стряхнуть пыльную метелку.

В этот момент зазвонил дверной колокольчик, а на дороге слышался стук колес.

— Я пойду встречу посетителей; я слышу, Мэри их выпускает, — и Тед пригладил волосы, направляясь в переднюю.

— Не могу никого принять! Дай мне возможность ускользнуть наверх, — прошептала миссис Джо. Но пре-